

Артур Клемперт

Москва, Россия

ЕВРЕИ ПРИБАЛТИКИ И МОСКВЫ ДО 1917 г.: ИСТОРИЧЕСКИЕ АНАЛОГИИ И РАЗЛИЧИЯ

Проведение исторических параллелей между двумя такими центрами дореволюционной еврейской жизни, как Москва и Прибалтика, кажется, на первый взгляд, неактуальным и нелепым. Однако это сопоставление имеет определенную цель. Именно такой метод анализа исторических судеб российского еврейства может помочь в осмыслении многих малоизученных факторов, формировавших облик российских евреев на рубеже XIX—XX вв. Только сравнение и выделение в истории двух центров еврейства — общего и различного — позволяет обобщить и классифицировать многочисленные исследовательские работы. Только компаративный метод дает возможность исследования уникальных социокультурных моделей и типов еврейства Российской империи.

Сравнение Москвы и Прибалтики не случайно. В истории формирования еврейских общин и того, и другого региона было много общего. Но прежде, чем выделить общее и различное в условиях формирования двух еврейских центров, необходимо определить границы ареала исследования. В самом деле, прибалтийское еврейство может подразумевать еврейские общины, существовавшие на территории современных прибалтийских государств (Литвы, Латвии и Эстонии), а также включать территорию, принадлежащую ныне Белоруссии и России. В основе такого подхода будут лежать формальный принцип близости к водам Балтийского моря и представление об общности прибалтийского еврейства. Однако такой подход является исключительно формальным и не учитывает серьезных различий, порожденных особым правовым статусом евреев в Российской империи. Прибалтика, под которой здесь мы будем понимать только территорию нынешних трех независимых государств — Литвы, Латвии и Эстонии, в действительности распадалась на две неравные правовые зоны. Первая зона включала Литву и восточную часть современной Латвии — она входила в *«черту еврейской оседлости», и на ее территории в том или ином виде еврейские общины продолжали свою многовековую историю, однако значительная территория в Прибалтике лежала вне пресловутой черты оседлости, где по законам империи могли обитать ее еврейские граждане. При этом многие еврейские общины существовали в Прибалтике задолго до ее присоединения к Российской империи. Несмотря на периодические попытки изгнания рижского еврейства, община в этой негласной столице прибалтийских губерний империи продолжала свое существование все годы российского владычества. Именно в силу сходного правового статуса евреев северной части Прибалтики и их единоверцев в Москве возможно проводить компаративный анализ. При этом совершенно некорректным было бы сравнение еврейства Москвы с еврейской общиной какого-либо небольшого местечка. В качестве анализируемой общины наиболее подходит еврейство Риги — как по ее значимости для евреев Прибалтики, так и в силу экономического положения города.

В данной статье, которая не является законченным исследованием, предпринимается попытка сопоставить различные факторы, влиявшие на формирование

социокультурного облика евреев двух этих центров. К числу анализируемых факторов можно отнести правовой статус евреев и еврейских общин в этих городах, социальный состав еврейских общин, организацию общинной жизни, интенсивность модернизационных процессов, культурный облик еврейства, значение евреев в общественной и экономической жизни города.

П р а в о в о й с т а т у с

Оба центра — Москва и Рига — находились вне «черты еврейской оседлости», поэтому их правовой статус определялся действовавшими правилами для внутренних губерний России. Однако если в Москве можно говорить о реальном появлении первых евреев, открыто исповедовавших иудаизм, только с конца XVIII столетия, т.е. после разделов Польши, то в Риге существование небольшой еврейской общины вызвало особое внимание русских властей с момента присоединения ее к России. Именно к этому времени относится появление указа императрицы Екатерины I об изгнании евреев из России, после исполнения которого в Риге было разрешено пребывание нескольких еврейских семьям. Однако следующий подобный указ императрицы Елизаветы Петровны от 1742 г. затронул и этих немногих оставшихся. Только в 1764 г. по особому распоряжению Екатерины II в Риге обосновались представители четырех еврейских семейств, зарегистрировавшие еврейскую общину. Эти семьи могли проживать в предместье Риги — Московском форштадте¹. Приезжие евреи обязывались по требованию рижских купцов и ремесленников проживать только в пределах еврейского подворья на окраине города, да и то только в течение шести недель. Они не могли заниматься целым рядом ремесел, продавать товары жителям других городов² и т.д. Во время эпидемии чумы 1770 г. все они вынуждены были покинуть город. Но уже с конца XVIII в. еврейское население Риги, несмотря на ограничения, начинает быстро расти. В 1813 г. было узаконено право евреев местечка Шлок³ на жительство в Московском форштадте Риги, а для приезжавших в город евреев было открыто еще одно подворье. В 1822 г. евреи Риги получили право на занятие ремеслами. Наконец, в 1857 г. евреи получили право проживать на всей территории города Риги, а в 1858 г. — право владения недвижимой собственностью, право записываться в ремесленные цехи и причисляться к купеческим гильдиям, заниматься всеми видами торговли и промышленности.

В Москве такие права евреи в урезанном виде получили после долгой борьбы. Правилами пребывания в городе еврейских торговцев, приезжавших на короткое время, устанавливалась обязательность их проживания на специально отведенном для них подворье (знаменитое Глебовское подворье⁴), где все регулировалось особыми ограничениями. Такое положение в Москве сохранялось до середины XIX в., когда оно также было пересмотрено. В результате евреи Москвы вплоть до 1890-х гг. оказались в ситуации, сходной со своими рижскими соплеменниками. Однако дальнейшая история изменения правового статуса евреев Москвы определила основные отличия в истории и социальном облике двух сформировавшихся еврейских центров. С начала 1890-х гг. в Москве был кардинально пересмотрен правовой статус всех социальных групп еврейского населения города. Недвусмысленная антиеврейская политика московских властей привела к изгнанию из города почти всего его еврейского населения и введению самых жестких ограничений на жительство евреев в Москве в дальнейшем. Серию этих мер начинало высочайшее повеление 1891 г. о выселении из Москвы евреев-ремесленников, продолжало такое же повеление о выселении солдат-отставников и членов их семей, а заверша-

ли ограничение на приписку евреев к гильдейскому купечеству Москвы Временные правила 1899 г., ограничивавшие прием евреев в адвокатское сословие Москвы. Эта политика «выдавливания» евреев из Москвы наложила серьезный отпечаток не только на историю самих евреев, но и на всю общественную жизнь «второй столицы» вплоть до Первой мировой войны. Интересно отметить в этой связи, что выселение евреев из Москвы проводилось под неусыпным контролем обер-полицейстера Власовского, который до этого занимал крупный полицейский пост в Риге. Именно из прибалтийской столицы он вынес свои познания о евреях и еврействе, что неоднократно подчеркивал.

Таким образом, правовой статус московских и рижских евреев имеет несколько сходных черт. На обе общины распространялись ограничения, связанные с нахождением двух этих центров вне «черты оседлости». При этом обе еврейские общины получили почти одинаковые права с середины XIX в., были отменены все внутренние ограничения на проживание, занятия или владение собственностью в пределах этих городов. Но после начала в 1891 г. в Москве политики вытеснения евреев из всех сфер жизни полностью изменился и их правовой статус. Это предопределило многие различия в истории двух еврейских общин.

Социальный состав

Прежде чем приступить к сравнительному анализу социального состава еврейства Москвы и Риги, необходимо дать представление о численности этих общин. Для обоих городов характерно несоответствие цифр официальной статистики и реальной численности проживавшего в них еврейского населения. Двумя основными причинами такого несоответствия были «нелегальность» проживания многих евреев в этих центрах и фискальный характер официальной статистики. Так, в Риге середины XIX в. отмечается всего лишь около 500 евреев. В 1869 г. жителями Риги были уже 5254 еврея — менее чем за два десятилетия увеличение в 10 раз! В 1881 г. это число доходит до 20 тыс., а в 1897 г. — 22 тыс. (почти 8 % населения города). Последняя дореволюционная цифра 1913 г. — более 33 тыс. евреев в Риге — говорит о резком увеличении еврейского населения этого центра. В Москве, по неполным данным статистики, в 1871 г. жили 5319 евреев. В 1882 г. уже отмечается цифра в 15 075 человек (которая, по мнению большинства исследователей, может быть увеличена минимум в два раза). В любом случае трехкратное увеличение официально зарегистрированных евреев Москвы за десятилетие 1870-х гг. очень напоминает десятикратное за 20 лет в Риге. До начала 1890-х гг. Москва и Рига, таким образом, шли нога в ногу. Но резкое изменение положения московских евреев и выселение их из города в 1891—1893 гг. вновь развело историю развития двух еврейских общин в разные стороны. В 1897 г. в Москве официально числилось 8095 евреев, в 1908 г. — 9048, а в 1913 г. — чуть менее 16 тыс. Евреи Москвы к началу Первой мировой войны составляли относительно численности рижского еврейства около половины, в то время как общая численность населения Москвы значительно превосходила численность рижан. Поэтому, в отличие от Риги, евреи Москвы составляли в 1890—1910-е гг. численно незначительную долю москвичей. Те же закономерности просматриваются и в отношении социального состава еврейства Москвы и Риги.

Социальный состав общин и Москвы, и Риги в своей основе был сходным. Это диктовалось сходными условиями его формирования. В обоих городах евреи были представлены двумя основными социальными слоями — элитой и ремесленниками

и мелкими торговцами. Элита играла важную роль в жизни как всего города, так и еврейской общины. Для Риги была наиболее важна роль, которую евреи играли в торговле. Так, именно крупным еврейским торговцам принадлежала основная роль в превращении рижского порта в центр экспорта российского леса, зерна, льна и т.д. Именно еврейские предприниматели организовали в городе кредитно-банковскую систему, они владели значительной частью торгового комплекса, предприятиями табачной, кожевенной и других отраслей легкой промышленности. Определенное значение имела в Риге и другая часть социальной верхушки еврейства — интеллигенция и студенчество. В этом важную роль сыграл Рижский политехнический институт⁵, где значительную долю учащихся (иногда более 10 %) составляли евреи. Средние и беднейшие слои рижского еврейства были представлены ремесленниками и мелкими торговцами. Еврейские ремесленники Риги занимались в основном ремонтом и пошивом обуви и одежды. Такая же картина сохранялась вплоть до начала Первой мировой войны.

В Москве можно отметить аналогичную ситуацию до начала 1890-х гг. Социальную верхушку еврейства составляли крупная торгово-промышленная буржуазия и интеллигенция. Так, московские еврейские предприниматели развивали торговлю продукцией текстильной индустрии московского промышленного района. Именно это сделало их незаменимыми посредниками между Москвой и западными губерниями Российской империи. Кроме того, многие крупные еврейские предприниматели вкладывали немалые средства в развитие многих отраслей промышленности и хозяйства города. В частности, евреям принадлежала немалая роль в становлении книгоиздательства, пивоварения и т.д. Караимские предприниматели активно участвовали в развитии табачной индустрии города. Важную роль сыграли евреи и в организации кредитно-банковской сферы Москвы. В Москве в силу высокого престижа ее образовательных учреждений получали образование тысячи евреев-студентов. Наряду с известным числом лиц свободных профессий они составляли значительный слой московского отряда формировавшейся в эти годы русско-еврейской интеллигенции. Наличие такого значительного числа представителей интеллигенции и студенчества накладывало заметный отпечаток на социальный и культурный облик евреев второй российской столицы.

При этом в Москве огромную роль в еврейской жизни играли прежде всего представители беднейшего еврейства. В городе проживали десятки тысяч «нелегалов», т.е. евреев, не отмеченных официальной регистрацией. Это в большинстве были ремесленники, мелкие торговцы, так называемая «прислуга», члены семей солдат-отставников и т.д. Они до массового выселения евреев из Москвы в 1891—1893 гг. составляли абсолютное большинство еврейских обитателей города. Ремесленники занимались в Москве изготовлением одежды и изделий, «преследующих опрятность». Торговцы занимались, как правило, малоразвитыми отраслями торговой деятельности, в частности евреям принадлежало первенство в освоении торговли готовой одеждой, дотоле неизвестной москвичам. Однако выселения 1890-х гг. привели к резкому увеличению в общей структуре московского еврейства доли элитарных слоев. Так, если к началу 1890-х гг. более 86 % московских евреев составляли ремесленники, торговцы и служащие и к этому социальному слою примыкали также отставники и члены их семейств (5 %), то уже к 1897 г. официальная статистика отмечает — при общем сокращении численности — только 38 % ремесленников и около 37 % представителей элитарных слоев.

Таким образом, несмотря на известные отличия (в Москве, например, присутствовала такая социальная категория, как еврейские солдаты-отставники, которые в Риге не были заметной группой), социальная структура еврейства Москвы и Риги до 1891 г. была практически аналогичной. Но в 1891—1893 гг. в Москве она подверглась коренным изменениям, что выделило этот центр среди других крупных городов вне черты оседлости. Если до 1891 г. московское еврейство по численности значительно обгоняло Ригу, то после начинается длительный период упадка. Как количественные, так и качественные характеристики социальной структуры еврейского населения Москвы свидетельствовали о том, что исчез важнейший элемент в формировании общины. Из города оказались депортированы представители еврейского среднего класса, на которых базировалась община. Резкое увеличение доли студентов, лиц свободных профессий и торгово-промышленной буржуазии привело к ускорению модернизационных процессов среди евреев второй столицы. В Риге скорость этих процессов была принципиально иной уже в силу наличия в городе огромного числа еврейских ремесленников и мелких торговцев. К тому же здесь действовал и другой фактор: в Ригу переезжали, в основном, представители еврейских общин Курляндии, других прибалтийских губерний и Витебской губернии. Это формирование еврейства Риги в конце XIX в. за счет миграции евреев из близлежащих земель накладывало серьезный отпечаток на социальный и этнокультурный облик общины. В то же время в Москву евреи прибывали со всех уголков обширной империи. Здесь были и предприимчивые жители белорусских и литовских местечек, и *хасидские семьи с территории Украины, и немецкоязычные курляндские евреи, и некоторое число евреев с Кавказа и из Средней Азии. В этом многообразии заявили о себе и представители крымских караимов.

Значительный отрыв от мест традиционного проживания и связанное с этим изменение социального статуса часто вели к серьезному изменению культурного облика. К тому же ускоренное социальное расслоение в среде новых обитателей крупных городов должно было рано или поздно привести к серьезному кризису внутри общины. Однако давление и репрессивная политика московских властей на раннем этапе погасили остроту социальных противоречий в еврейской общине города. В то же время в Риге эти противоречия постепенно привели к формированию в общине различных политических партий и движений. Был и еще один важный общий для Москвы и Риги фактор, повлиявший на социальную и этнокультурную структуру еврейских общин этих городов. Речь идет о том, что и в Москве, и в Риге формирование еврейских общин происходило на фоне переворота в экономической структуре всей страны и превращения этих двух городов в крупные центры торговли и индустрии. И количественный рост, и социальные изменения происходили не только в еврейской среде, но и во всем окружающем населении. Так, численность москвичей достигла в пореформенный период более миллиона, увеличившись в три раза за период 1863—1897 гг. Примерно такое же увеличение наблюдалось и в Риге, где в 1860-е гг. было 77 468 жителей, а в 1897 г. — 282 943. Динамика численности населения в Риге была еще более интенсивной, чем в Москве, при том, что соотношение численности населения этих городов составляло около 1 к 3,7. Соотношение же численности еврейского населения было прямо противоположным. Численность евреев в Риге более чем в три раза превосходила численность московских евреев. Учитывая, что среди крупнейших городов Российской империи Москва занимала вторую позицию после столицы — Санкт-Петербурга, а Рига была шестой, однако в этой шестерке только эти три города не входили в «черту еврейской оседлости»,

анализ еврейства этих городов и их социальной структуры может претендовать на определенную объективность.

Организация общинной жизни

Организационный этап создания и становления основных еврейских общинных институтов в Москве и Риге проходил в разные периоды. Так, если в Риге официально зарегистрированная русскими властями община появляется уже в 1764 г., а первый молельный дом — в 1771 г., то в Москве община была зарегистрирована только в середине XIX в. Если евреи Риги в 1792 г. получили в право открыть второй молельный дом, то евреи Москвы только в середине XIX в. открыли первую молельню в помещении Глебовского подворья. Если уже в первой половине XIX в. в Риге существовали общество *«Бикур-Холим» и еврейское училище⁶, то в Москве подобные заведения появляются лишь во второй половине столетия. Однако основной период строительства общинных институтов совпал во времени. Первая и самая крупная рижская синагога «Гогол-Шул»⁷ открылась в 1871 г., а годом раньше в Москве была заложена синагога, которую открыли в 1891 г.⁸ В то время как в Риге множилось число синагог, в Москве резко увеличивалось количество молелен. Если в Риге к концу XIX в. существовали десятки еврейских культурных, образовательных, благотворительных и прочих организаций, то в Москве их число было меньше, но имелись почти все филиалы крупнейших еврейских структур. Москва была финансовым центром для общин черты оседлости, отсюда посылались средства для помощи и для осуществления новых проектов.

В деятельности обеих общин важную роль играли настроения элиты. Подвергаясь мощному воздействию модернизации, элита копировала многие элементы общинных институтов Западной Европы. В частности, в еврейских общинах России впервые появляются элементы *реформистской идеологии и литургии. И московская, и рижская синагоги в своей архитектуре и литургии имели явно просматривавшееся влияние немецких образцов. Примечательно, что длительное время в Москве проповедовал раввин Л. Кан, приглашенный из Курляндии. Он проповедовал на немецком, которым, в отличие от русского, владел в совершенстве. К тем же элементам можно отнести и наличие в московской синагоге хора и органа.

Однако в 1890-е гг. большинство общинных институтов в Москве были закрыты. Община была лишена возможности использовать незадолго до этого отстроенное здание синагоги. Были закрыты большинство разбросанных по городу еврейских молелен, а также запрещалось строить новые. Затем были закрыты Александровское ремесленное училище, московская *галмуд-тора и т.д. Москва лишилась и своего *казенного раввина С. Минора⁹, высланного из города после его письма на высочайшее имя с жалобой на закрытие синагоги. В 1893 г. казенным раввином в Москве стал Я. И. Мазе¹⁰. В это же время сменился и *духовный раввин, Москву покинул Хаим Берлин¹¹, проработавший во второй столице два десятилетия.

Двойственность общинной политики, пытавшейся соединить интересы верхушки и социальных низов, была характерна и для Москвы, и для Риги.

Модернизационные процессы в среде рижского и московского еврейства на рубеже XIX—XX вв.

Еврейские общины обоих рассматриваемых городов формировались за счет миграции евреев из других городов и местечек империи. Как правило, эти мигранты представляли собой несколько разных социальных групп, каждая из которых имела

определенные характерные отличия. Среди мигрантов наблюдались серьезные различия не только в социальном или культурном облике. Эти различия диктовались во многом самым главным разделением в среде новых обитателей Москвы и Риги. Речь идет о трех различных поколениях мигрантов. Анализ этих культурных и социальных различий можно проводить на материале статистики и мемуарных источников.

Основная масса евреев стала мигрировать в оба города примерно с середины 1850-х гг. Первое поколение прибывало в эти города из маленьких городов и местечек. В Москву направлялся поток из Белоруссии («шкловцы»¹² и т.д.) и Литвы, а в Ригу — из латгальских и курляндских городов и местечек. Эти первые еврей-мигранты стали основателями многочисленных предприятий и торговых заведений. В Москве и Риге они сыграли важную роль в формировании структуры городского хозяйства и в развитии специализации этих городов на общероссийском рынке.

Время до 1890-х гг. было периодом активного вовлечения евреев в общественную жизнь. В первом поколении мигрантов возникала некоторая двойственность мышления и поведенческих стереотипов. Они активно участвовали в экономической жизни, стремясь устроиться на новом месте, но с годами, проведенными в большом городе, начинало меняться их отношение к еврейству и иудаизму. Так, многие из вчерашних маргиналов превращались в уважаемых горожан с определенным достатком. Эти нувориши стали особенно заметны в конце периода первой миграции в большие города (1880—1890 гг.). В этом поколении редко кто переходил с *идиша или с немецкого на русский в Риге и даже в Москве. Ломаная русская речь многих московских еврейских дельцов была особенно заметна на фоне однородного русского населения второй столицы. В Риге с ее разделением на немецкую, русскую и латышскую общины идиш и немецкий не представлялись настолько вызывающими. Но и на рижской почве было весьма заметно появление еврейских предпринимателей из среды мигрантов из маленьких городов и местечек.

Второе поколение новых еврейских обитателей Риги и Москвы формировалось в условиях продолжавшейся миграции евреев в крупные города. Однако дети мигрантов первой волны, осевших в этих центрах, были достаточно многочисленны и в какой-то степени уравновешивали вновь прибывавших. При этом «дети» часто имели среднее и высшее образование, были в значительной степени аккультурированы местной средой. В этом отношении период 1890—1900 гг. был для обоих центров временем становления второго поколения постоянного еврейского населения. Причем в Москве в эти годы отсутствовал фактор миграции в город новых еврейских обитателей, а еврейство Риги продолжало пополняться за счет жителей местечек и небольших городов. Выселение из Москвы массы еврейских обитателей в последнее десятилетие XIX в. сыграло важную роль в значительном ускорении русификаторских тенденций в среде второго поколения московских евреев.

Образовательный уровень московских евреев не является объективным показателем модернизационных процессов. Так, в конце 1880-х гг. в действие были введены ограничения на получение образования евреями. В соответствии с этими ограничениями евреи в Москве могли составлять не более 3 % учащихся. Этим был вызван феномен получения московскими евреями среднего образования в частных гимназиях, а высшего — в немецких университетах. Тем не менее высокий образовательный уровень московских евреев и значительная доля их в среде московского студенчества сказались на ускорении процессов модернизации. Московские евреи находились в авангарде многих культурных процессов, происходивших в русском еврействе. При этом

в Москве были сильно выражены ассимиляционные тенденции. Здесь уже во втором поколении, вышедшем на авансцену общественной жизни в конце 1880-х гг., заметны случаи принятия крещения, смешанных браков и т. д. В Риге же, которая уже в эпоху триумфального шествия по Западной Европе реформистов, стала одним из центров российской *Гаскалы и *«берлинеров», сохранялась большая преемственность традиционной еврейской культуры. К числу самых известных реформаторов традиционного уклада в России относился известный общественный деятель М. Лилиенталь¹³, возглавлявший в 1839—1842 гг. еврейское училище в Риге. В Москве такую роль в более позднее время играл упомянутый выше казенный раввин С. Минор.

Таким образом, второе поколение постоянных еврейских обитателей Москвы и Риги представляло собой две разные группы. Первую группу представляла элита (крупная буржуазия и интеллигенция), которая активно включалась в общественную и хозяйственную жизнь, обладала определенным достатком и стремилась к получению высшего образования. Вторая группа состояла из беднейших слоев ремесленников и торговцев, которые, как правило, были выходцами из маленьких местечек черты оседлости, так и не выбившимися из социальных низов в средний класс и стремившимися упрочить свое положение. Культурный облик этой среды в значительной степени определялся теми ограничениями, которые диктовали «правила жительства». Именно эту среду часто презрительно называли «фармацевтами», или «полуинтеллигенцией». В этой среде формировались многие активисты революционных партий и движений.

Третье поколение евреев — жителей Риги и Москвы дало значительное число представителей интеллигенции. Этому поколению предстояло пережить все перипетии революционных событий XX в. Москва оказалась в этом отношении лишенной преемственности, поскольку большая часть ее дореволюционного еврейского населения оказалась ассимилирована волной еврейских мигрантов и беженцев периода Первой мировой войны и потоком послереволюционных еврейских миграций в столицу. Однако некоторая часть этой московской публики оказалась после революции и Гражданской войны в Риге, ставшей одним из центров русской эмиграции. В самой же Риге преемственность не была нарушена, и многие общественные деятели независимой Латвии еврейского происхождения были представителями именно этого третьего поколения еврейского населения Риги.

Смену поколений в среде евреев, мигрировавших в крупные города, можно проследить на примере достаточно типичной московской еврейской семьи Вишняков: «Родился я в мелкокупеческой еврейской семье, строго соблюдавшей все религиозные нравы и обряды, как завещано было предками. Обычаи выполнялись дедушкой и бабушкой и всеми членами их семьи не только в Слониме Гродненской губернии, но и в Москве, куда дед перебрался в половине 50-х гг. и куда он пятнадцатью годами позже перевез семью... Отец не получил никакого систематического образования, кроме самого элементарного — в русской и еврейской грамоте и религиозной обрядности. Он не вполне уверенно — даже говорил по-русски и с нами предпочитал говорить по-еврейски. Но писал он своим бисерным, ровным почерком совершенно правильно, не ошибаясь даже в «ятях»... Кроме субботы и праздников, его весь день не было дома. Он уходил в свою «лавку» — подобие полутемного и холодного амбара, сначала в Зарядье, а потом в Юшковском переулке на Ильинке, где он торговал ситцем не в розницу, а оптом»¹⁴.

Частью модернизационного процесса евреев и в Москве, и в Риге было развитие *палестинфильства, а позднее *сионизма. Оба центра дали крупных деятелей

этого направления. При этом и в Москве, и в Риге палестинофильство и политический сионизм никогда не были самым популярным общественным движением, охватывая в основном молодежь. Многочисленные кружки и объединения палестинофилов противостояли увлечению большинства молодых евреев революционными и леворадикальными течениями. Палестинофильство московской еврейской молодежи было частью процесса модернизации и в то же время своеобразной формой протеста против репрессивной антиеврейской политики московских властей, примыкая в этом к революционным партиям. Рижское палестинофильство также не было на раннем этапе своего развития сугубо национальным явлением. Сионистское движение крупных еврейских центров вне черты оседлости носило определенный характер своего рода демонстрации, утверждения своей гражданской позиции. Именно поэтому палестинофильство Москвы и Риги было заметно в среде еврейской молодежи и студенчества. Лишь в годы Первой мировой войны, когда евреи России столкнулись с резким усилением националистических тенденций в среде окружающих народов, сионизм стал действительно заметным общественным явлением. Поколение внуков этим течением затрагивается мало, так как его деятельность в целом пришлась на послереволюционные годы. Однако сформировалось это поколение именно в последнее десятилетие существования Российской империи, т.е. в межреволюционный период обострения общественно-политической борьбы, сопровождавшейся возникновением крайних леворадикальных партий, с одной стороны, и погромно-монархических движений — с другой. Этому поколению евреев, жителей крупных русских городов вне черты оседлости, предстояло не только определить собственную позицию, но и стать мишенью нападок со стороны праворадикальных погромных организаций. Реакционеров справа раздражало большое количество еврейских студентов и представителей интеллигенции, заметное влияние евреев в экономической жизни страны. Особенно заметно это на примере Москвы, которая в те годы стала одним из важнейших центров общественно-политической борьбы. При этом правых здесь раздражали евреи, причислявшие себя к русской культуре, а в Риге — евреи, ориентированные на культуру немецкую.

Еврейство крупных городов вне черты оседлости представляло собой чрезвычайно разнородную картину. Представители первого поколения и их дети серьезно различались в своем социальном и культурном облике. Это вызывало определенный конфликт «отцов и детей», отразившийся на всей истории общин этих центров в дореволюционный и особенно послереволюционный период.

Этнокультурный облик евреев Москвы и Риги

Еврейские общины Москвы и Риги формировались из разнородных этнографических групп еврейского населения. Миграционный поток, охвативший российское еврейство на рубеже XIX—XX вв., привел к формированию новых еврейских культурных типов и феноменов. Если говорить об этнографическом составе мигрантов, то он с самого начала формирования еврейских общин Москвы и Риги был разным. Если в Ригу направлялись евреи Курляндии, Латгалии¹⁵, Литвы и Белоруссии, то Москва была центром для евреев, прибывавших с территории Белоруссии, Украины, Литвы, российских губернских городов, где к началу XX в. сложились еврейские общины, а также (в небольшом числе) также для евреев Прибалтики, Крыма, Кавказа и Средней Азии. Другими словами, Рига была новым региональным центром еврейства, облик которого формировался под воздействием двух факторов — немецкого и русского культурного влияния. При этом в среде рижских евреев были и свои заметные разли-

чия в этнокультурном облике. Выделялась группа латгальских евреев, основным центром которых был Двинск (ныне Даугавпилс в Латвии. — *Ред.*). В Москве ситуация была кардинально отличной. Еврейство второй столицы представляло собой конгломерат представителей различных этнографических групп. При этом наличие в Москве всякого рода землячеств на первых порах поддерживало это разнообразие и преемственность. Однако уже в первом поколении мигрантов заметна тенденция к этнической консолидации. В пределах большого города старые социальные и этнические рамки подверглись быстрому разрушению. Еще до 1880-х гг. в Москве существовала серьезная грань между так называемыми «солдатами», т.е. наиболее русифицированной группой еврейского населения города, и, например, «куряльщиками», т.е. немецкоязычными евреями, выходцами из Прибалтики. Среди «куряльщцев» стоит упомянуть приглашенного на место духовного раввина Л. Кана, проповедовавшего на немецком. Широко известна и другая «куряльская» династия — московская семья Крейн. Основатель музыкальной династии Абрам Крейн, скрипач, настройщик и собиратель еврейского народного музыкального фольклора, переехал из Курляндии сначала в Нижний Новгород, а затем в Москву, где три его сына и их многочисленные потомки продолжали свои музыкальные занятия. Однако уже в 1890-е гг. эта грань была практически едва заметна, а с началом нового столетия только в среде недавних мигрантов можно было наблюдать серьезные культурные различия. Таким образом, Москва в отличие от Риги не сформировалась как специфический региональный центр еврейства. Она была одним из видных центров, где происходили ускоренная ассимиляция и аккультурация евреев. Культурной доминантой была русская общественная и культурная жизнь. В Москве находились многие высшие учебные заведения. «Кроме старейшего русского университета на протяжении последних 40 лет XIX в. в Москве начало работать несколько новых высших учебных заведений: Петровско-Разумовская сельскохозяйственная академия (основанная в 1865 г.), Московская консерватория (1866 г.), высшее Московское техническое училище (возникло в 1868 г. на базе ремесленного училища), Первые высшие женские курсы в Москве профессора В. И. Герье (с 1872 г.) и Московское инженерное училище (открыто в 1896 г.). Кроме того, в конце прошлого [XIX] столетия Москва насчитывала уже свыше трех десятков средних учебных заведений (в 1893 г. в ней были 21 гимназия, 5 реальных училищ, коммерческое училище, 2 прогимназии, 5 институтов, 3 кадетских корпуса, 2 военных училища и свыше 500 начальных школ). Общее количество учащихся во всех учебных заведениях Москвы в середине 90-х гг. достигало 60 тыс. человек, в том числе студентов — около 7 тыс.»¹⁶. Таким образом, культурный облик московских евреев формировался на фоне их активного вовлечения в культурную и научную сферу. Главным в этом процессе была та динамика, которая характеризовала развитие высшего и среднего образования в Москве в конце XIX — начале XX в.

Культурный облик еврейства крупных городов складывался в тесной связи с тем, какое место в культурной жизни страны занимал этот город. Так, Москве принадлежала роль «второй столицы», центра русской культуры и общественной жизни. Рига занимала место негласной «столицы Прибалтики», крупнейшего после Петербурга города на северо-западе империи. В отличие от многих других городов Рига была центром, где сосуществовало в равной степени русское и немецкое культурное влияние. В 1913 г. Московское отделение *ОПЕ провело опрос, охвативший значительную часть московского еврейского студенчества. Это исследование достаточно репрезентативно и дает представление о реальном облике этой части еврейского населения города. В результате выяснилось, что «выходцы из черты [оседло-

сти] составляют... две трети всего количества учащихся. Очень высока цифра учащихся из Северо-Западного края: почти половина всего числа студентов и больше трети всех курсисток. Для объяснения напомним, что в этом крае нет высших учебных заведений; потребность в высшем образовании удовлетворяет Москва, к университету которой район прикреплен формально»¹⁷. Высокий процент в Москве еврейских студентов, выходцев из Северо-Западного края, лишь еще раз подчеркивает органичную связь Москвы и Риги как двух еврейских центров, формировавшихся по сути из евреев одного и того же региона империи.

Важный элемент в характеристике культурного облика населения составляет разговорный язык. В частности, данные по евреям Москвы мы можем вновь почерпнуть из опроса студентов 1913 г. На вопрос о разговорном языке в доме родителей от них были получены следующие ответы: еврейский отметили 34 % студентов и 28 % курсисток, еврейский и русский вместе — 25 и 20 % соответственно, русский — 33 и 43 %; 8 % студентов и 9 % курсисток отметили иные языки. «Еврейский язык показан в доме родителей 46 % выходцев из черты (у курсисток — 27 %), вне черты оседлости — 12—8 %. Колоссальная разница! В соответствии с этим русский язык показан для черты 20—44 %, для не-черты 60—76 %»¹⁸. В то же время лишь 2 % студентов и 3 % курсисток, уроженцев Москвы, заявили, что языком их детства был еврейский. Эти данные говорят о быстром процессе аккультурации, происходившем вне черты оседлости, особенно в крупных городах. Картина немного меняется в случае с еврейским образованием. Процент получивших еврейское образование значительно выше, чем процент студентов, говоривших в детстве по-еврейски. «Вне черты 71 % мальчиков получили еврейское образование, между тем как только у 7 % языком детства был еврейский... Можно сказать, что еврейское образование как национальный фактор действительно только там, где налицо имеются и другие национальные факторы... Только 38 % от общего числа продолжало еврейское образование после 13 лет и только 9 % — после 15 лет... В среднем же еврейское образование завершалось к 12,6 года. Знания, полученные в таком юном возрасте, не только не поддерживались и не укреплялись, но и не гармонировали с ним, неизбежно должны были заглухнуть, исчезнуть»¹⁹. При этом надо учитывать, что еврейское образование касалось в основном только мальчиков, у девочек 46 % опрошенных заявили, что не получали никакого еврейского образования.

Похжие цифры получились и при ответах на вопросы о знакомстве с национальными языками, историей и литературой. 45 % студентов и 71 % курсисток показали, что совершенно не знакомы с древнееврейским языком. Соответственно 32 и 60 % не имели представления о еврейской истории. Еврейский разговорный язык (т.е. идиш) был незнаком 30 % студентов и курсисток. При этом, однако, «больше трети всего числа студентов и больше половины знающих еврейский язык так или иначе сохранили и поддерживали живую связь с языком»²⁰. Любопытно, что среди студентов — уроженцев Москвы, лишь 8 % показали, что употребляют еврейский язык, но никто не отметил, что говорит, думает или читает на еврейском языке. Все эти данные обусловлены еще двумя факторами — социальным происхождением и районом, уроженцем которого был студент. Любопытно отметить, что эти данные корректируются отношением опрашиваемых к будущности еврейских языков. «Будущность за каким-либо из еврейских языков признается 52 % студентов и 42 % курсисток. Среди студентов преобладает признание будущности за еврейским языком, среди курсисток — за древнееврейским. Последнее тем любопытнее, что, как мы видели, курсистки почти не знают древнееврейского языка и древнееврейской

литературы... Среди выходцев из черты признает будущность за еврейским языком 54 % студентов и 45 % курсисток, среди остальной части студенчества соответствующие цифры дают лишь 36 % и 33 %... Признающие будущность за древнееврейским языком количественно представляют собой почти постоянную величину (14—20%). Условия места почти не оказывают влияния в этом отношении: выходцы из Северо-Западного края и уроженцы Москвы дают одинаковые показания. Совершенно иное мы замечаем по отношению к еврейскому языку; цифры здесь очень варьируют: для Москвы 17 %, для Северо-Западного края 38 %. В этом различии нельзя не видеть влияния живых масс еврейства, живой действительности Северо-Западного края, насыщенного еврейским языком, еврейской жизнью... Заслуживает внимания, что за еврейским языком признают предпочтительнее будущность не одни те, кто знает только еврейский, но и знающие оба еврейских языка. И лишь те, кто знает только древнееврейский, другими словами, те, для кого не существует еврейского языка как факта быта и жизни, не видят будущности за этим языком»²¹.

Наконец, важным элементом является отношение к иудаизму и религиозной обрядности. Среди опрошенных студентов лишь 4 % и 3 % курсисток заявили себя соблюдающими еврейскую традицию. Соответственно 68 и 25 % не придерживались религиозных обрядов. 28 % студентов и четверть курсисток частично придерживались еврейского закона. «Больше двух третей студентов и почти три четверти курсисток совершенно равнодушны к обрядовой стороне религии. Четвертая часть придерживается обрядов частично, — как поясняют многие, во время праздника Пасхи или в каникулярное время, находясь у родителей... По отношению к религиозной обрядности территориальная группировка выявляет незначительные различия... Большие различия мы установим, сопоставляя отношение к обрядности с разговорным языком в доме родителей...»²²

Наконец, весьма интересны данные этого опроса об отношении к ассимиляции. В общем числе 60 % студентов и 49 % курсисток отрицали ассимиляцию, безразличие к проблеме высказывали 22 и 27 % соответственно, положительно смотрели на ассимиляцию 18 % студентов и 24 % курсисток. «Положительно относящиеся к ассимиляции дают одинаковый процент у выходцев из черты и вне ее. Зато безразличные в черте составляют лишь 19 % всего числа, вне черты — целых 33 %... Наиболее национально настроены студенты, родители которых принадлежат к еврейским народным массам, наименее — сыновья лиц свободных профессий»²³. В этой связи необходимо привести еще одну важную цифру: из состоявших в браке опрошенных студентов 13 % состояли в смешанных браках (у студентов — 11 %, у курсисток — 17 %). Но отношение в еврейской студенческой среде к переходу в другую религию было гораздо более жестким. Свое отрицательное отношение демонстрировали более 80 % студентов обоего пола, безразличие — 16—17 %, а положительное отношение — 2 %. Эти данные опроса 1913 г. в довольно значительной степени могут быть применены также к еврейству Риги и Прибалтики в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Московский форштадт (нем. *Vorstadt* — предместье) — часть нынешнего Латгальского предместья Риги, где у пересечения нынешних улиц Лацплеша и Маскавас в XVII в. было создано первое в городе еврейское подворье (впервые упоминается в 1638 г., в то время находилось за городской чертой). В дальнейшем и вплоть до Второй мировой войны в этом районе была сосредоточена большая часть еврейского населения Риги. — *Ред.*

- ² Имеется в виду так называемое «складочное право» — существовавший до 1861 г. пережиток средневековья, когда иногородние русские, белорусские, польские, литовские и еврейские купцы не могли продавать в Риге свои товары за границу без посредничества рижских немецких купцов. — *Ред.*
- ³ См. прим. 3 на с. 251.
- ⁴ Глебовское подворье Москвы находилось в Зарядье и в 1828—1856 гг. было единственным местом, где разрешалось останавливаться приезжим евреям. — *Ред.*
- ⁵ См. прим. 34 на с. 253.
- ⁶ См. прим. 4 на с. 251.
- ⁷ Имеется в виду Большая хоральная синагога, построенная в архитектурных формах стиля ренессанс на ул. Вокзальной, 25 (впоследствии ул. Гоголя); была самой большой и красивой в Риге. Сожжена 4 июля 1941 г. местными пособниками гитлеровцев вместе с согнанными в нее евреями. — *Ред.*
- ⁸ Имеется в виду синагога на Солянке (ныне Московская хоральная синагога). — *Ред.*
- ⁹ Минор Соломон (1826—1900) — раввин, публицист, общественный деятель; окончил Виленское раввинское училище, где затем преподавал. В разные годы был казенным раввином Минска и Москвы. После высылки из Москвы возвратился в Вильну. — *Ред.*
- ¹⁰ См. прим. 7 на с. 95.
- ¹¹ Берлин Хаим (1832—1912) — раввин, в 1865—1889 гг. раввин Москвы. С 1906 г. жил в Иерусалиме, где был главным раввином местной *ашкеназской общины. — *Ред.*
- ¹² По названию города Шклов в Могилевской губернии. — *Ред.*
- ¹³ См. прим. 14 на с. 90.
- ¹⁴ Вишняк М. В. *Дань прошлому*. Нью-Йорк, 1954. С. 13—15.
- ¹⁵ См. прим. 33 на с. 135.
- ¹⁶ *Нифонтов А. С.* Москва во второй половине XIX столетия. М., 1947. С. 20.
- ¹⁷ *Шейнис Д. И.* Еврейское студенчество в Москве: По данным анкеты 1913 года. М., 1914, С. 6.
- ¹⁸ Там же. С. 26.
- ¹⁹ Там же. С. 32.
- ²⁰ Там же. С. 38.
- ²¹ Там же. С. 48—51.
- ²² Там же. С. 47.
- ²³ Там же. С. 42—43.